

XVIII век, как известно, стал “судьбоносным” для истории России, ее культуры и языка. Ведь именно в это время складываются основные предпосылки для формирования современного русского литературного языка, развивается активная варьированность самых разнообразных его элементов – от книжного до просторечного и диалектного, мощно активизируется приток европейских заимствований. Именно поэтому язык этого времени давно уже стал объектом интенсивного исследования и словарного описания. Еще при Я.К. Гроте и А.А. Шахматове производились выборки из произведений XVIII в. для картотеки Академического словаря русского языка, а с 1960 г. Г.П. Блок, а затем Ю.С. Сорокин по предложению В.В. Виноградова начали работу по подготовке “Словаря русского языка XVIII в.” [Рогожникова 2003: 84–85]. Е.Е. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.И. Кутина, Ю.С. Сорокин, Х. Кайперт, Ф. Оттен и другие слависты посвятили языку этого периода основательные труды.

Вместе с тем здесь мы сталкиваемся с парадоксом, характерным для развития отечественной и европейской фразеологии. Лексика и грамматический строй русского языка этого периода исследованы действительно детализованно и глубоко. Для Германии, в частности, характерен интерес к этой проблематике в связи с русско-немецкими контактами Петровского времени и возможностью демонстрации обильных лексических европеизмов. Фразеоло-

логический же материал при этом в диахроническом аспекте почти не изучался, что тем более парадоксально, т. к. еще В.Г. Белинский назвал XVIII век “веком фразеологии”. Можно упомянуть здесь лишь монографию А.И. Федорова [Федоров 1973], в которой развитие русской фразеологии XIX века освещалось на фоне фактов XVIII-го века; работы 70-х гг. М.Ф. Палевской [Палевская 1972; 1980], которую интересовали в основном структурные модели глагольных сочетаний; кандидатские диссертации Д.Ю. Алтайбаевой [Алтайбаева 1983] и О.И. Жмурко [Жмурко 1980]; докторскую диссертацию и монографию Т.В. Шевяковой об именных номенклатурных словосочетаниях этого периода [Шевякова 2003] и, наконец, – несколько свежих статейных публикаций Ф. Оттена, лишь недавно [Otten 1999; 2000; 2001; 2002] обратившегося от анализа лексики Петровской эпохи к исследованию фразеологии.

Монография А. Бириха – плодотворная и принципиально новая попытка восполнить эту теоретическую и практическую лауну в славистике. Целью его исследования является комплексный анализ процессов возникновения и развития русской фразеологии XVIII в. Автору удалось аргументированно и объективно ответить на кардинальные вопросы, не получившие до сих пор у фразеологов-славистов убедительного ответа. Во-первых, в работе раскрываются внутренние причины и описывается динамический механизм возникновения

фраzeологической системы языка XVIII в. Вот-рых, корректно и точно выявляя источ-ники возникновения этой системы. В-третьих, дается scrupuleзное и последовательное опи-сание парадигматических отношений между элементами фразеологической системы. В-четвертых, предлагается квалификация ее соб-ственно языковых средств. В-пятых, дается пластичное изображение самых активных фрагментов фразеологической картины мира данного периода. Наконец, описанная столь всесторонне фразеология XVIII в. сопоставля-ется с фразеологической системой современ-ного русского языка, что позволяет опреде-лить не только количественную квоту утра-ченных фразем, но и сделать важные выводы о качественных изменениях, которые эта систе-ма претерпела.

Важным моментом является и последова-тельно историко-этимологическая нацелен-ность всей работы, поскольку именно этимоло-гия фразеологических единиц (ФЕ) до сих пор **остается пока еще недостаточно изучен-ным аспектом общей и русской фразеологии.** Ведь хотя в славистике и особенно в русистике благодаря двадцатилетним усилиям многих славистов, работающих под эгидой Фразеоло-гической комиссии при Международном коми-тете славистов, уже немало сделано в этом на-правлении, лакуны в этой области заполнить пока еще не удалось. По сравнению с матема-тически отточенной этимологической методи-кой описания индоевропейской лексики, разра-ботанной еще младограмматиками, методика историко-этимологического описания фразеоло-гии нередко приближается к средневековым истолкованиям первичного смысла идиом на уровне народной этимологии. Причины недо-статочной разработанности историко-этимоло-гического анализа русской фразеологии объясняются по-разному: и отождествлением методики ее анализа с методикой диахрониче-ского изучения лексики, и недостаточно сба-лансированной “материальной базой” объек-тивного сопоставления русской фразеологии с фразеологией других славянских и неславян-ских языков, и недостаточно системным опи-санием диалектной фразеологии в современных словарях и др. Одним из главных камней прет-кновения, как кажется, здесь является и отсут-ствие надежных фразеологических данных древ-нейшего периода истории славянских языков и периода консолидации литературной нормы.

Композиция книги соответствует иерархии обозначенных проблем. После краткого введе-ния автор детально рассматривает теоретиче-ские вопросы фразеологии, критически обо-зревая большую европейскую литературу по общей и славянской фразеологии и определяя

основные методы и материальную основу сво-его исследования. В 3-й главе дается анализ об-разования фразеологической системы XVIII в., делается удачная попытка реконструкции пер-вичного образа многих конкретных фразем. 4-я глава посвящена семантической характери-стике фразеологии XVIII в. с особым углубле-нием в описание фразеологической картины мира того периода и динамику фразеологиче-ской номинации. В 5-й главе анализируются процессы развития фраземики XVIII-го века. Во всех пяти главах монографии исследова-тель за общетеоретическими проблемами не упускает из поля зрения главного – конкретно-го живого фразеологического материала в его мощном динамическом круговороте Петров-ского и послепетровского времени.

Динамика, процессы развития – вот ключе-вое слово всей монографии А. Бириха. Хотя по композиционному наименованию развитие (Entwicklung) – это объект анализа 5-й главы книги (с. 213–248), динамические изменения фразеологической системы XVIII в. интересуют автора во всех названных главах работы. Так, рассматривая общую проблему ограни-чений синтаксической сочетаемости, А. Бирих удачно иллюстрирует ограничительные фак-торы фразеологической системы оригиналь-ными примерами сочетаемости фразеологизма *спустя рукава* из “Виргилиевой Энеиды” Оси-пова и “Записок” А.Т. Болотова: *спустя мы жили рукава и шли мы, так сказать, спустя рукава* (с. 32). Для носителя современного рус-ского языка эта сочетаемость необычна, что убедительно подтверждает **наблюдения о сужении сочетаемости компонентов ФЕ при развитии фразеологической системы.**

Даже обсуждая общие вопросы статуса ФЕ и другие многочисленные спорные проблемы фразеологии, А. Бирих включает в их интер-претацию расшифровку конкретных измене-ний, имеющую и теоретический вес. Именно поэтому принимаемые автором за основу теоретические позиции кажутся объективными и не провоцируют дискуссий, к которым столь привержены фразеологи. Так, нельзя не согла-ситься с его определением фраземы на основе пяти релевантных характеристик: раздель-нооформленность (Polylexikalität), устойчивость (Stabilität), идиоматичность (Idiomatizität), вос-производимость (Reproduzierbarkeit) и экспрес-сивность (Expressivität) (с. 51–52). Значимость этих релевантных свойств фраземы, особенно э к с п р е с с и в н о с т и, аргументируется до-полнительно во многих частях работы (ср., на-пример, с. 40, 44, 45) и др. Корректно и реше-ние вопроса о границах фразеологии, в частно-сти, строгое разграничение фразеологизмов и поговорок (с. 13–14). Диахроническая направ-

ленность исследования оправданно влечет за собой рассмотрение автором таких существенных проблем, как типология фразообразования (с. 71–78), фразообразовательных процессов (с. 79–111), методов историко-этимологического анализа (с. 52–63) и др. Теоретическую подоплеку имеют и многие классификации, предлагаемые автором: группировка фразем по стержневому слову и выделение актуальных семантических полей (с. 81–84), классификация метонимических фразем (с. 84–90), распределение жестовой фразеологии (с. 87–89), дифференциация поля “Собственность” (с. 197–202) и др.

А. Бирих убедительно показывает, что методика структурно-семантического моделирования является надежным инструментарием диахронического анализа фразеологии и позволяет реконструировать ее исходную образную систему с той же точностью, с какой младодиаграмматические методы обеспечивают конкретную этимологическую реконструкцию слова. Не случайно при этом он возвращается к “классическим” расшифровкам славянских фразем, с которых такая методика начиналась. Возвращается, обогащая эти расшифровки свежим материалом языка XVIII в. Такова, например, интерпретация фразеологизмов *ни си-ней порох*, *беречь как порох в глаза* и их вариантов (с. 216–217), которые в 1973 г., на Варшавском Конгрессе славистов Н.И. Толстой использовал для реконструкции праславянской фраземы **čьrno podъ nogъetъ*.

Яркий, самостоятельный, добытый многолетними и многотрудными поисками фразеологический материал, ставший объектом анализа в работе А. Бириха, имеет также самодовлеющую ценность для понимания специфики русского языка XVIII в. Уже само количество фразем, извлеченных автором из разных источников, впечатляет: оно превышает 5000 единиц (ср. с 4,5 тысячами современных фразем, составивших корпус “классического” словаря под ред. А.А. Молоткова). При этом А. Бирих скромно не включает в это число многие варианты и параллели к таким фраземам XVIII в., добытым им из диалектных и иноязычных словарей. Материал разговорной, диалектной речи и просторечия вообще красной нитью проходит через всю работу, ярко демонстрируя динамичность фразеологической системы исследуемого периода. Вот лишь несколько характерных примеров: *бегать как леший от козла от кого* (с. 121), *бежавши от волка, по-пасть на медведя* (с. 122), *в сапогах ходить* (с. 26, 221), *жил как у печки погорел* (с. 128), *куда ноги несут* (с. 107), *прокладаться как мышь в сметане* (с. 200), *гол как ладонь* (с. 201), *войти в зари* (с. 219). Нередко такой

материал дается целыми “гроздьями”, хорошо подтверждающими констатации автора об активности того или иного образного центра во фразеологической системе. Таков, например, ряд просторечно-диалектных оборотов с компонентом *чёрт* и его синонимами в разделе “Религия и суеверия” (с. 130–134), где сквозь призму фразеологии демонстрируются основные внешние и функциональные характеристики русского дьявола.

Во многих местах книги А. Бирих предлагает читателю **массу уместных славянских параллелей** к анализируемому материалу – например, блр., польск., чеш., словен., хорв. и серб., болг. и др. к оборотам *стоять как вкопанный* (с. 55–56), *пускать пыль в глаза* (с. 61), *правая рука* (с. 152), *жить как мыши в крыпе* (с. 177), *ни рак ни рыба* (с. 178), *быть на краю гроба (могилы)* – с. 204) и мн. др. Эффективным аргументом в пользу доказательства европейского влияния на русскую фразеологию XVIII в. являются и постоянно приводимые А. Бирихом параллели из латинского, немецкого, голландского, французского, английского и других языков. Они нередко помогают не только определить направленность языкового взаимодействия, но и прояснить внутреннюю форму некоторых русских оборотов – ср. русск. *прижать к ногтю* и нем. *sich etw. unter den Nagel reißen, jmdn. an die Kandare (unter die Fuchtel) nehmen* (с. 228).

Анализ взаимодействия “национальное – интернациональное” в составе русской фразеологии XVIII в. вообще является одной из теоретических и практических доминант исследования А. Бириха. Его предшественников интересовали прежде всего прямые лексические заимствования типа *парикмахерская* или *Кунсткамера*, которые легко обнаруживаются и доказываются. Задача автора оказалась намного сложнее, ибо большинство европейской фразеологии проникло в русский литературный язык путем калькирования, “переодеваясь” в собственно русские языковые одежды и в этом – основная специфика фразеологических заимствований по сравнению с заимствованиями лексическими (с. 150 и сл.). А. Бирихом разработана эффективная методика обнаружения таких фразеологических калек, основанная как на учете детализированной вариативности той или иной идиомы, так и на их скрупулезной хронологизации, диагностике первой фиксации (с. 150–172). При этом проблема датировки справедливо считается особенно важной, “ибо первая половина XVIII века подтверждена немецкому (а для Петровской эпохи также голландскому) влиянию, в то время как во второй половине этого века на русский язык оказывает влияние французский и

несколько менее – немецкий. Применение описанной методики к анализу всего материала может опровергнуть широко распространенное мнение, что в русском языке доля калек из немецкого языка по сравнению с кальками из французского незначительна” (с. 171–172). Этот вывод для исторической фразеологии русского языка трудно переоценить, а методика, разработанная автором книги, наверняка найдет свое продуктивное применение и при исследовании фразеологических заимствований в других славянских языках. В частности, ее уже эффективно применила русская богемистка Л.И. Степанова [Štěpanova 2003] при диахроническом анализе чешской фразеологической системы. В исследовании же А. Бириха данная методика увенчалась рядом точных квалификаций русских идиом именно как германизмов (с. 153–154, 162–167 и др.) или голландизмов (с. 162, 228 и др.), а не как галлицизмов. При этом учитываются не только собственно языковые факторы заимствования, но и экстралингвистические и даже субъективные, – например, владение Екатериной II как немецким, так и французским языком.

Важным инструментарием историко-этимологического анализа для А. Бириха является также методика семантического поля с учетом фразеологической специфики, проявляющейся в концентрации полей вокруг экспрессивных, характерологических концептов. Примером удачного анализа такого рода является анализ поля “Смерть” (с. 96, 203–211), где экспрессия создается как за счет табу соответствующих понятий, так и стилистическими средствами. И здесь общетеоретическая “далекобойность” проблемы не препятствует концентрации внимания на главном – диахроническом аспекте исследования. Собственно диахронической процедурой является и семантическое распределение фразеологии XVIII в. по тематическим циклам (Sachbereichen), дающее картину мотивационных полей (Motivationsfelder) в ее составе. Демонстрируя универсальный характер таких мотивационных полей (части тела, животный мир, религия и т.п.), А. Бирих никогда не упускает возможности выявить и продемонстрировать читателю собственно национальную специфику тех или иных анализируемых оборотов. Так, им выделяется специально тематический подраздел “Баня”, который уже со времен св. Андрея Первозванного привлекает внимание иностранных путешественников, попавших в Россию (с. 129–130), и не мог не оставить следа во фразеологии.

Объективным показателем динамичности фразеологической системы XVIII в. автор, как уже говорилось, объективно считает **вариант-**

ность. Вот почему в работе не только фиксируются, но и последовательно анализируются варианты самого разного порядка: морфосинтаксические (с. 236–241), структурные (с. 107–110) и лексические (с. 101–107; 200, 207, 230–235 и др.). Последнему типу варьирования справедливо уделено особое внимание, ибо именно оно отражает специфику развития фразем.

В рецензируемой работе немало и отдельных метких наблюдений, значимых для славянской фразеологии, например: специализированный анализ устойчивых сравнений как особой структурно-семантической группы фразем (с. 90–95; 241–246); рассмотрение механизма Volksetymologie und Figura etymologica как особого способа фразеобразования (с. 44, 100 и др.); описание оборотов библейского происхождения и их специфики в русском языке (с. 155–161 и др.); диагностика отдельных крылатых выражений (с. 155, 156) и др.

Необходимо, наконец, отметить убедительность и эвристическую ценность многих этимологических решений, предложенных А. Бирихом в ходе комплексного анализа названных выше проблем. К таковым относятся расшифровка оборотов как *вкопанный* (с. 55), *как стена* (с. 63), *свой царь в голове* (с. 108), *кашу заварить* (с. 125), *тугой карман* (с. 128), *ни сучка ни заборинки* (с. 138), *на одну колодку* (с. 138); *откладывать в долгий ящик* (с. 139), *плясать по чьей дудке* (с. 166), *иметь булавку в голове* (с. 169), *подводить кого под монастырь* (с. 179), *дуван дуванить* (с. 215–216), *души не чаять в ком* (с. 234–235) и др. Автор книги не боится опровергать “классические” толкования русских идиом и критически их пересматривает. В частности, им убедительно пересматриваются и некоторые мои этимологические гипотезы – например, о выражениях *стоять на одной доске с кем* (с. 142), *убить бобра* (с. 145–149) или *ни зги не видно* (с. 57–59). Новые историко-этимологические интерпретации А. Бириха можно принять именно потому, что они убедительно подтверждаются как материалом фразеологии XVIII в., так и теоретическими постулатами автора.

Разумеется, при общей оценке научного труда А. Бириха нельзя не обратить внимания и на некоторые дискуссионные моменты фразеологической теории и практики. Сразу же хочу оговорить при этом, что такие моменты – исключения на фоне вышеозначенных бесспорных вкладов автора в эту молодую лингвистическую дисциплину. Теоретическая часть монографии, как уже говорилось, весьма подробно освещает и многие актуальные проблемы славянской и немецкой фразеологии. Не всегда, однако, за этим детальным освещением мы находим однозначно сформулированное

мнение самого автора. Большая четкость и эксплицитная выраженность собственной позиции были бы в теоретической части работы, как кажется, вполне уместны.

Некоторую нерешительность проявляет А. Бирих также при историко-этимологической интерпретации таких фразеологизмов, где его богатый материал и исследовательская интуиция могли бы дать новое оригинальное решение. Так, варианты фраземы *втирать очки* ‘обманывать’ – *надевать очки кому, поставить очки кому*, зафиксированные автором в языке XVIII в., и найденный их немецкий прототип *jmdm. eine Brille aufsetzen* (с. 194), как кажется, подсказывают кардинальный пересмотр знаменитой интерпретации В.В. Виноградова, который возводил этот оборот к картежному аргю; а выражения *натянуть нос кому, наставить (присоставить, наклеить, налепить) нос кому* и т.п. и немецкая жестовая символика “*lange Nase*” (с. 196) дают весомый материал для опровержения традиционной “чисто русской” версии выражения *оставить кого с носом* – якобы восходящего к формуле народного свадебного отказа типа *jmdm. einen Korb geben*. Автор, к сожалению, такого интерпретационного шага не делает.

С другой стороны, при всей “материальной” фундированности некоторых предлагаемых А. Бирихом этимологий не все они представляются окончательно приемлемыми. Так, автор вместо моей расшифровки оборота *с копылов долой* на основе диалектн. *копыл* ‘короткий брусоч, вставляемый или вдальбываемый в полость для опоры верхней части саней’ и древней мифологической связи погребальных саней со смертью предлагает семантизацию слова *копыл* как ‘нога’ и приводит, казалось бы, убедительный ряд лексических вариантов, образующих фразеологическую модель “с ног долой” → “умереть”: *с копыт (копытков) долой, с катушек долой, с коньков долой*, где соответствующие слова переносно обозначают нижнюю конечность (с. 60). С такой связью можно согласиться, однако более глубинный семантический анализ субстантивных элементов приводимого фразеологического ряда показывает, что их переносность имеет разные образные истоки и должна по-разному интерпретироваться. Так, выражение *с коньков долой* – как и *отбросить (откинуть, шаркнуть) коньки* ‘умереть, скончаться’ восходит к воровскому аргю, где *коньки* и *кони* значат ‘сапоги’, ‘обувь’ и имеют финское происхождение: фин. *konka* – ‘башмак’ [Ларин 1931: 115–116]. Переносное значение лексемы *копыл* в интересующем нас фразеологизме, как кажется, – метафора иного образного порядка

и отсутствие славянских и европейских параллелей к приведенной автором модели, а также инновационный характер вариантов *с катушек долой* и *с коньков долой* настораживает и оставляет пока до конца неопроверженной “санную” мифологическую интерпретацию.

В некоторых (также весьма редких) случаях **этимологические экскурсы А. Бириха можно еще более расширить**. Так, при в целом верном отнесении оборота *бросать (пускать) пыль в глаза кому* к средневековой (и античной) практике единоборства (с. 194) не лишней была бы и ссылка на еще более древнюю практику боевых действий, известной у восточных народов (например, в древней Индии) “пускать пыль в глаза” приближающемуся войску противника специальным конным отрядом.

Весьма облегчает ориентацию в богатом материале монографии “Указатель фразем” (с. 283–317) и “Предметный указатель” (с. 319–321). К сожалению, однако, некоторые отсылки на соответствующие страницы книжного текста в первом указателе неточны: например, *ФЕ прижать к ногтю* находим не на с. 232 (с. 299), а на с. 228; *в сапогах ходит* (с. 305) — не на с. 125, 225, а на с. 126, 221; блр. *пад рукой (рукамі)* – не на с. 231 (с. 313), а на с. 227 и т. д. Такого рода опечатки вызваны, вероятно, техническими причинами и легко устранимы.

В заключение хочется подчеркнуть, что насыщенное свежим, самостоятельно добытым материалом исследование А. Бириха – решительный шаг во фразеографическую практику. Не случайно автор монографии уже принялся за составление полного словаря русской фразеологии XVIII в., в котором весь этот материал получит системное описание: ведь рецензируемый труд – надежная основа для такого словаря, которого нет еще пока в русистике. Теоретически же, как мы видели, его исследование является фундаментальным вкладом в историческую фразеологию русского языка, чем немало дает и общей славистике. Автор упорным и последовательным лингвистическим анализом раскрыл многие тайны русской фразеологической системы XVIII в., приблизив тем самым нас и к пониманию ее современной специфики. Теоретическая основательность, вдумчивый анализ конкретных фактов, точность дефиниций, корректность классификаций и проникновение в глубины анализируемого материала – основные научные качества исследования гейдельбергского слависта. Книга А. Бириха еще рельефнее очертила контуры языка XVIII в., столь значимого для истории языка и культуры России и Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтайбаева 1983 – Д.Ю. *Алтайбаева*. Фразеологические кальки, абсолютно эквивалентные и индуцированные обороты (на материале русского литературного языка XVIII в. и современного казахского литературного языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Жмурко 1980 – О.И. *Жмурко*. Глагольная фразеология русского языка второй половины XVIII века (на материале басни): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
- Ларин 1931 – Б.А. *Ларин*. Западноевропейские элементы русского воровского аргота // *Язык и литература*. Т. 7. Л., 1931.
- Палевская 1972 – М.Ф. *Палевская*. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972.
- Палевская 1980 – М.Ф. *Палевская*. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев, 1980.
- Рогожникова 2003 – Р.П. *Рогожникова*. Сокровищница русского слова. История большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003.
- Федоров 1973 – А.И. *Федоров*. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 1973.
- Шевякова 2003 – Т.В. *Шевякова*. Фразеология русского языка XVIII века (именные фразеосочетания): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алматы, 2003.
- Otten 1999 – F. *Otten*. Zur Geschichte einiger russischer Phraseologismen // K. Grünberg, W. Potthof (Hrsg.). *Ars Philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag*. Frankfurt-am-Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien, 1999.
- Otten 2000 – F. *Otten*. Der älteste Beleg des russischen Sprichwortes *Sidi u morja – da ždi pogody* // *ZfSl*. 2000. № 3; № 4.
- Otten 2001 – F. *Otten*. Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./18. Jahrhunderts (I + II) // *ZfSl*. 2001. № 3; № 4.
- Otten 2002 – F. *Otten*. Russische Phraseologie im europäischen Kontext // *ZfSl*. 2002. № 3 (47).
- Stěpanova 2003 – L. *Stěpanová*. Česká a ruská frazeologie: diachronní aspekty. Olomouc, 2003.

В.М. Мокиенко